

УДК 161.111

Ф.В. Лазарев

ВЫЖИВАНИЕ И МУДРОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

ВЫЖИВАНИЕ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Понятие выживания обычно истолковывается в довольно узком смысле как выживание индивида или какой-либо социальной группы в кризисных, экстремальных условиях. Так, больному после перенесенного кризиса говорят: «молодец, выжил!». В этом же смысле используется притча «не живем, а выживаем». Однако более внимательный анализ ситуаций выживания свидетельствует о том, что названное понятие целесообразно применять в более широком культурно-историческом интервале. Имеются в виду все те ситуации, когда речь идет об *устойчивом, полноценном существовании* индивида, группы или этноса, народа и т.п. в условиях нестабильной внешней среды. Следует заметить, что эта среда, как правило, бывает нестабильной в том или ином отношении. В XIII в. Древняя Русь была процветающим государством, и казалось, ничто не может нарушить это достаточно стабильное положение. Однако происходит неожиданный геополитический сдвиг, великое движение восточных племен на Запад. Русь подвергается крупномасштабному татаро-монгольскому нашествию, изменившему культурно-историческое бытие восточных славян на несколько веков. Они оказались перед задачей глобального выживания в политическом, этническом, экономическом и культурном измерениях. Эпоха смуты на Руси в начале XVII в. опять ставит страну в ситуацию опасного социально-политического кризиса. В начале XIX в. на стойкость испытывал Россию Наполеон. В минувшем столетии Россия трижды переживала ситуацию опасной неустойчивости, грозящей национальной катастрофой - в период Октябрьской революции и гражданской войны, в Великую отечественную войну, в период спровоцированного развала СССР в 90-е годы. В мировой истории пример России не является исключением, достаточно вспомнить междоусобные и внешние войны древнегреческих полисов в IV – II вв. до н.э.

Таким образом, можно сказать, что устойчивое существование отдельного человека, семьи, этноса, государства всегда является – потенциально или актуально – реальной *проблемой*. Это значит, что выживание той или иной целостности связано отнюдь не только с экстремальными ситуациями физического самосохранения, но представляет собой фундаментальную задачу и практическую проблему жизнедеятельности любой такой целостности. С точки зрения философии истории, проблема выживания этноса, страны, локальной цивилизации - это вопрос об устойчивом сохранении и или развитии всех базовых измерений социума: хозяйственных, социальных, культурных, языковых, ценностных. Это касается и образа жизни народа, и его культурных кодов, мировоззренческих ориентаций. Перед каждой исторической общностью людей проблема выживания стоит всегда, с

той лишь разницей, что в одни эпохи эта проблема уходит как бы на задний план, а в другие эпохи она до предела обостряется. Яркий пример тому - судьба СССР. В 80-е годы казалось, что наше государство - одно из самых устойчивых в мире - в социальном, экономическом и военно-стратегическом отношениях. Никто не думал тогда о «выживании», напротив, строились грандиозные планы быстрого качественного скачка если не к «коммунизму», то, по крайней мере, к экономическому процветанию. Внезапный и практически мгновенный развал СССР вызвал шок не только у жителей страны, но и во всем мире (для одних это была трагедия, для других - радость, но это уже другая проблема).

На протяжении тысячелетий перед различными целостностями стояла задача гибкой и надежной адаптации к окружающим социальным и природным условиям. Народы, государства, империи, цивилизации стремились к тому, чтобы обеспечить устойчивое существование себя в своей *качественной целостности и неповторимости*. При этом речь шла не только о надежной защите своих границ, своего ареала обитания, но и о сохранении своей культуры, своего образа жизни, своей системы ценностей и религиозной идентичности. В этом отношении любопытен пример с Западной Европой. С тех пор, как Русь своим истерзанным, истекающим кровью телом заслонила Европу от бесчисленных полчищ с Востока, эта последняя получила длительную историческую передышку и тем самым возможность в течение многих столетий жить в безопасности от внешних угроз. Это обеспечило Европе не только стабильность, но и возможность эффективного развертывания своего экономического, интеллектуального и технического потенциала. Началась эпоха великих географических открытий и политико-экономической экспансии в другие регионы мира. Проблема выживания в своем очевидном выражении отошла на второй план.

В середине XVIII века на смену ранее существовавшей стратегии выживания появляется и теоретически осмысливается новая модель устойчивого существования человечества, модель сугубо западная и европоцентристская - теория социально-экономического *прогресса*. Вера в либеральные ценности, в науку и прогресс - ключевая, стратегическая идея западного общества XIX – XX вв.. Эта идея радикально переориентировала общественное сознание и историческую практику Европы и северной Америки. Историческое бытие людей больше не воспринималось как нескончаемая борьба за выживание (что стало считаться характерным лишь для древних цивилизаций и первобытного человека), напротив, человечество все решительнее вступает на дорогу Прогресса, гуманизма и демократии. Прогрессизм как установка и как способ видения хода современной истории просуществовал почти два столетия. Лишь экологический кризис, а также радикальные, контркультурные молодежные бунты конца 60-х годов и наступившая затем эпоха постмодерна привели шаг за шагом к разочарованию как в «буржуазных ценностях», так и в научно-техническом и социальном прогрессе. Крах просвещенческого проекта прогрессизма породил новую ситуацию. Неизбежно со всей остротой возник вопрос: чем заменить философию «поступательного развития»? Кризис прогрессизма не мог не вернуть философскую мысль к понятию выживания как к категории философии истории. Этот поворот, однако, произошел в качественно новой исторической ситуации. К концу XX в.

становилось все более очевидным, что помимо традиционных проблем выживания перед современной цивилизацией высветились во всей своей масштабности качественно новые, например, проблема выживания человечества перед лицом глобальных экологических катастроф.

Новые вызовы истории, такие как угроза термоядерной войны, гонка вооружений, терроризм, техногенные катастрофы и др., привели к осознанию того, что под вопросом оказалось само будущее людей как рода. Таким образом, к началу XXI в. в одной точке исторического процесса пересеклись две линии философской рефлексии: с одной стороны, общественная мысль в связи с разочарованием в идее прогресса вновь обращается к понятию выживания в его глубинном всемирно-историческом смысле; с другой стороны, мы вынуждены вплотную заняться этой проблемой ввиду ее исключительной остроты с точки зрения болевых точек современной цивилизации.

ВЫЖИВАНИЕ, ПРОГРЕСС, УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

С точки зрения современных поисков в контексте философии истории, возникла необходимость проанализировать соотношение таких понятий, как выживание и прогресс. Прогресс есть лишь один из аспектов, форм, стратегий *практики выживания* людей. В этом смысле задача выживания - *абсолютна*, ибо здесь речь идет о жизни и смерти индивида и рода, т.е. о самом фундаментальном факте их бытия, их жизнеспособности. Напротив, любой прогресс - всегда *относителен*, противоречив, интервален, амбивалентен. В истории часто случается, что то, что в одном отношении может расцениваться как прогресс, в другом отношении выступает как регресс. Кроме того, следует иметь в виду, что нередко за прогресс приходится платить дорогой ценой, так что неизбежно возникает вопрос о социальной, экологической или культурной цене такого прогресса. Так, например, современный научно-технический прогресс повлек за собой, как известно, возникновение глобальных угроз для самого существования человека на Земле.

Выживание есть сложный, многофакторный и многовариантный процесс постоянно идущего приспособления некоего качественного целого к окружающим условиям жизни. Ярчайшим примером такого непрерывного, мучительного, непрекращающегося ни на один день приспособления к необычным природным и климатическим условиям было существование древнеегипетской цивилизации. Проблема стабильности хозяйственного, социального и духовного бытия народа была главной, доминирующей, подчиняющей себе все остальные проблемы. Тот, кто вселял в людей чувство уверенности в завтрашнем дне, кто внушал ощущение стабильности, тот был всем - богом, небожителем-солнцем, фараоном, жрецом.

Инструментами выживания могут быть государственная система, власть, экономический строй и механизмы хозяйствования, религия, мировоззрение, культурные традиции и т.п. Важно отметить, что каждый из этих инструментов может служить разным историческим субъектам и разным целям. Это значит, что они могут служить не только задачам выживания народа, данной популяции. В истории бывало так, что названные инструменты пытались использовать в своих личных, семейных, клановых целях отдельные исторические фигуры. Еще чаще эти инструменты использовались в групповых, кастовых, сословных, классовых целях.

(Именно этот аспект особенно подчеркивала марксистская философия истории). Однако подлинная политическая и духовная элита нации - это как раз та, которая направляла инструменты такого рода для решения общенациональных задач выживания. В соответствии с этим критерием можно выделить три типа социального сознания - обыденное (отражающее общественное бытие через призму личных, корыстных интересов), идеологическое (отражающее общественное бытие через призму классовых интересов), сапиентное¹ сознание (отражающее общественное бытие через призму общенациональных интересов совместного выживания). Соответственно этому можно выделить три типа людей - обыватели, политики, стратеги (мудрецы). В данном случае речь вовсе не идет об официальном, формальном статусе той или иной личности. Человек может быть простым крестьянином и при этом мыслить и выстраивать свою систему ценностей как мудрец, болеющий за интересы своего народа, своего отечества, и наоборот, кто-то может быть депутатом, министром или даже премьер-министром, но думать только о толщине своего кошелька (на память приходит геростратовски прославившийся на весь мир Павел Лазаренко).

ВЫЖИВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Выживание - это поддержание жизнеспособности социокультурных топосов, обеспечение непрерывного, устойчивого существования социальных систем. Оно предполагает сохранение не только физических параметров жизни на различных ее уровнях, но и, прежде всего, ее уникальности и полноценности. Речь идет о сохранении *качества* той или иной антропологической целостности как *самоценности* во всей полноте ее сущностных определений, в ее самости. Подобно тому, как экологи поставили вопрос о сохранении редких видов животного и растительного царств как бесценного богатства окружающей нас природы, - подобно этому мы должны говорить о сохранении, т.е. естественном выживании исторически сложившихся этносов, народов, духовных движений, учреждений науки, образования, искусства и т.п. как носителей культурных традиций, духовных ценностей, языка, образа жизни.

Любой субъект выживания всегда существует в некоторых конкретных природных и социальных условиях. Субъект и эти условия образуют целостную систему, социоприродный интервал. Субъект, выключенный из своей «автохтонной» среды обитания, теряет ряд своих специфических черт, а иногда и то, что составляет его самость. С точки зрения экологии человека, это обстоятельство имеет важные практические следствия, когда речь заходит о выборе жизненного пути того или иного народа. Например, в настоящее время в условиях глобализации перед арабским миром стоит мучительный вопрос о путях и стратегиях интеграции в единый цивилизационный процесс. На этом пути есть много соблазнов и исторических ловушек, но откладывать судьбоносные решения уже нет времени.

Выживание предполагает нахождение равновесия, некоей оптимальной сбалансированности между социальными группами, между обществом и государством, цивилизацией и природой. В контексте XXI в. возникает новая

¹ От слова *sapiensia* (лат.) - мудрость

проблема - как найти тонкую грань между самоценностью того или иного социокультурного мира (например, арабского или индусского) и его вовлеченностью в процессы глобализации.

Если спросить, какая философская проблема является наиболее злободневной в горизонте XXI века, то надо признать, что это, пожалуй, вопрос о *возможных моделях развития человеческой истории*. Как, куда и почему движется современная цивилизация? Способна ли она обеспечить устойчивое существование входящих в нее народов и государств? Какие сегодня видятся пути общественного развития? Эти вопросы представляют особый интерес не только для философов. К ним приковано внимание политиков, деловых людей, военных и т.п., всех тех, кто в силу своего положения обязан принимать ответственные, стратегические решения. Да и обычный человек не может здесь стоять в стороне: ведь речь идет о мировоззренческих установках любого из нас.

Сказанное в немалой степени объясняет то, почему в последние годы разгораются дискуссии вокруг «Зеленой книги» Муаммара Каддафи. [1] Автор дает бескомпромиссную оценку состоянию современной цивилизации и предлагает свое видение выхода из общепланетарного кризиса. Автор писал свою книгу, когда дилемма «капитализм - социализм» стояла особенно остро. Но было бы ошибкой думать, что после развала СССР эта проблема перестала быть злободневной. На самом деле она лишь поменяла форму выражения. Страх людей перед современным глобализмом лишний раз об этом напоминает. Каддафи предлагает, отбросив шоры, смело искать новые пути истории. Так рождается «третья мировая теория». Видятся три основных интенции этого социального проекта: во-первых, озабоченность бесчеловечностью современного мира и его политиков, которые так любят надевать на себя маску демократов и миротворцев; во-вторых, поиск новых социальных идей, основывающийся на бережном отношении к великой мудрости прошлых поколений; в-третьих, гуманистическая направленность и открытый к новым горизонтам ум.

Слабым местом в концепции Каддафи является претензия автора на некий очередной универсализм. Между тем горький опыт современной истории свидетельствует, что для полноценного развития человечество нуждается в большом многообразии моделей и социальных технологий. Каждый народ должен иметь возможность свободно выбирать такую модель развития и такие экономические и социальные технологии, которые для него в наибольшей степени подходят в данных исторических условиях. Ясно, что «классические модели» в контексте современной социально-философской мысли не только безнадежно устарели, но и становятся опасным тормозом на пути социального прогресса.

СУДЬБЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ: МОНИЗМ И ПЛЮРАЛИЗМ

Вико, Гегель и Маркс утвердили в европейском историческом сознании мысль о том, что история есть единый, всемирный и однонаправленный процесс; существуют общие для всех людей и народов законы социального развития. Поэтому каждая страна, каждый регион, какими бы «отсталыми» они ни выглядели сегодня, пройдут те же ступени исторического восхождения по спиралям прогресса и те же фазы, что и страны, вырвавшиеся вперед. Отсюда появляется теоретически

оправданная возможность делить народы на «передовые» и «отсталые», а также убеждать «развивающиеся» страны встраиваться в цепочку «догоняющих». Сегодня стало окончательно ясно, что разрыв между «золотым миллиардом» и развивающимися странами с годами не уменьшается, а усиливается, так что эти страны обречены быть «вечно догоняющими».

В противоположность названной модели исторического развития, русский мыслитель XIX века Н.Я. Данилевский предложил принципиально новый подход. Он утверждал, что неверно искать узкую однонаправленность всей мировой истории хотя бы уже потому, что последняя никогда не была и не является сегодня единым и однонаправленным целым. Скорее наоборот: и в прошлом, и в настоящем мы наблюдаем существование *локальных*, замкнутых в себе и на себя культурно-исторических целостностей, отдельных цивилизаций со своими духовно-нравственными ценностями и смыслами, со своим мировидением и исторической судьбой, со своим временем появления, расцвета и увядания.

Что касается *единой направленности* всего мирового целого как закономерности, прослеживающейся сквозь «возможные миры» отдельных локальных цивилизаций, то это особый вопрос, к обсуждению которого мы обратимся позднее. Ясно, что ни гегелевский, ни марксистский, ни постмодернистский ответы на этот вопрос сегодня никого не устраивают. В настоящее время можно говорить о трех основных версиях - европоцентристской, глобалистской и нитервальной. Против первой выступил еще Данилевский. Она естественным образом сложилась еще в самом начале XIX века, составляя важнейший (хотя и неявный) элемент общепринятой для того времени модели развития. Западная Европа выступала тогда (а во многом и по сей день) в качестве передового образца для всех остальных континентов: на нее «равнялись», ей подражали, у нее учились, ее боялись. Какова Европа сегодня, таковыми будут завтра другие страны и регионы. Существовало убеждение, что Европа не просто «вырвалась вперед», она прокладывает магистральный путь всему человечеству. Европоцентризм при таком понимании, если и присутствует в данной модели, то (как казалось) лишь как следствие реально сложившегося положения дела. Такова уж, как говорится, историческая миссия Европы: в силу того, что она вырвалась вперед, быть путеводной звездой для других народов. Другими словами, в модели неявно предполагалось, что дело-то не в самой Европе как таковой, а в той роли, которую она вынуждена взять на себя в силу сложившегося хода событий мировой истории. Очевидно, что европоцентризм логически вытекал из классической философии истории (Вико, Гегель, Маркс).

Европоцентристская модель во многом и по сей день служит философским основанием для поддержания господствующей на Западе политической мифологии. Важнейшей составной частью этой мифологии является лозунг «интеграции в Европу». Для прилегающих к центральной Европе стран (таких, как Польша или Югославия) этот лозунг означает геополитическое вхождение этих государств в орбиту НАТО и Евросоюза. Для более отдаленных стран речь идет об идейном, идеологическом и экономическом сотрудничестве под эгидой «центра». Необходимость «присоединения» вытекает из «логики самой истории». Все народы, которые хотят иметь полноценное будущее и хотят идти по пути прогресса, должны

встать на путь вестернизации. Так или примерно так внушают западные идеологи современному миру.

ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Вторая версия развития мировой истории, которая сегодня «в ходу», - это идея глобализации. Если говорить совсем кратко, то суть ее заключается в следующих нескольких допущениях: во-первых, мир стремительно втягивается в новый виток научно-технологической революции. Никакие границы, никакие «берлинские» или «китайские» стены не могут остановить глобализацию информационного пространства во всех континентах. Радио, телевидение и интернет сегодня не знают границ, информация становится общечеловеческой и общедоступной ценностью. В такой же мере идет проникновение техники и технологий во все регионы и страны, налицо также признаки глобализации мирохозяйственных связей, финансовых потоков и т.п. Всякая попытка тех или иных государств или правительств изолировать себя от этого процесса означает «выключение» себя из мирового исторического процесса. Во-вторых, с возникновением общемирового информационного пространства начинает складываться общечеловеческое «культурное пространство». Прежде всего, речь идет о небывалом по мощности культурно-идеологическом давлении Америки и Западной Европы на другие страны, в особенности на Азию и Африку, на Россию и арабский мир. В-третьих, с каждым годом усиливается политическое наступление Запада на остальные регионы мира. С разрушением СССР возникла ситуация, когда в мире отсутствует паритет сил и нарушено геополитическое равновесие. В результате США открыто объявляют себя политическим лидером мира и пытаются диктовать свою волю всем остальным государствам.

Какие отсюда следуют выводы? Прежде всего, что Запад намерен произвести «смену вех»: отбрасывается еще недавно модный в Европе «принцип плюрализма» и многополярности мира и предлагается переход к «принципу монизма» (вдруг вспомнили, что «мир един») и к стратегии однополярности. Но если мир един, то, спрашивается, какой цвет является для него естественным и единственно правильным? Подразумевается, что ответ должен быть таким: «западный». А если «западный», то это значит, что все страны и народы должны постепенно принять западный образ жизни и вытекающие из него нормы и ценности.

Чем «глобализм» отличается от «европоцентризма»? По большому счету - ничем. Однако в деталях различия есть и весьма существенные. Начать хотя бы с того, что во второй концепции доминирующая роль отводится не Западной Европе, а США. Кроме того, европоцентризм основывался на идее культурного и гуманитарного прогресса, знаменосцем которого выступала Европа, подавая пример всем остальным. Другие народы должны были «догонять» вырвавшуюся вперед Европу. Теперь же акцент делается на научно-технологическом превосходстве западного мира. Наконец, глобализм предполагает не пассивный призыв «догонять» передовые страны, а активное внедрение «универсальных» технологий и ценностей в развивающиеся страны.

Что можно сказать, оценивая эту концепцию? У нее есть своя фактическая, философско-методологическая и политическая составляющие. Фактическая сторона вопроса, говорящая о том, что современная мировая цивилизация быстрыми темпами глобализуется в научно-технологическом и экономическом отношениях, бесспорна. Отсюда делается вывод об ошибочности плюралистической модели мира

и о необходимости принятия монистического мировоззрения. Вследствие такого шага мы должны будем признать универсальность культурных ценностей западного образца и рассматривать глобализм как новую истину современной истории с вытекающими отсюда политическими последствиями. На самом деле во всех этих рассуждениях справедлива только первая посылка (о глобальном характере научно-технического прогресса). Что касается культурного аспекта, то эта посылка верна лишь наполовину, в отношении же третьей составляющей мы можем констатировать только одно: она не только ошибочна, но и представляет серьезную угрозу стабильности в мире. Другими словами, перед нами подмена смыслов на основе ошибочного отождествления. Неверно отождествлять глобальность научно-технического прогресса с другими составляющими западного мира, ибо эти последние по природе своей локальны. Всякая попытка представить их как имеющие универсальную значимость и вследствие этого навязать всему миру является далеко идущей ошибкой, ибо наличие инвариантов в одном отношении не исключает существования локальных характеристик в других отношениях.

Интервальная модель развития локальных цивилизаций [2] позволяет по-новому и более адекватно осмыслить важнейшую проблему современной мировой политики, которая стоит перед большинством стран мира: куда и как двигаться, чтобы обеспечить свое полноценное выживание в потоке истории? До сих пор для всех государств, перед которыми стоит проблема исторического выбора, предлагалась альтернатива: либо на всех порах устремиться в европейскую цивилизацию, либо безнадежно отстать, придерживаясь своих традиционных ценностей. Многим людям, задумывающимся над этой ситуацией, интуитивно ясно, что здесь «что-то не так». Не может быть, рассуждают они, чтобы вековые духовные опоры нации, ее исторические приоритеты, выверенные сотнями лет мучительного развития и обеспечившие в конечном счете выживание, чтобы все это мгновенно устарело и подлежало бы разрушению и преодолению. Но, с другой стороны, а как же неумолимый прогресс, который с такой завидностью демонстрирует «сытый» Запад? Разве его опыт не свидетельствует о том, что именно ему удалось в ходе истории наиболее удачно нащупать самые эффективные пути прогрессивного развития? А если это так, то остается только одно: совершить радикальный поворот к западному образцу цивилизации. Это касается и азиатских стран, и Африки, и всего арабского мира. Не является здесь исключением и Россия. На Руси этот вопрос, так или иначе, обсуждается давно, начиная с Чаадаева и Киреевского, с западников и славянофилов. Одни предлагали «интегрироваться» в Европу, другие говорили о самобытности пути развития русской цивилизации, о ее особых духовных, мессианских задачах в истории.

Славянофилы обращали внимание на то, что в Европе наряду с подлинными, бесспорными достижениями имеют место и негативные явления, неприемлемые для других цивилизаций. В этом контексте часто говорили о «мещанском» сознании, о потребительстве, бездуховности, отчуждении, ориентационном кризисе и т.п. Особенно глубоко в общефилософском контексте внутренние болезни западной цивилизации с точки зрения гуманистических идеалов осмыслили философы экзистенциального направления. За последние полстолетия прибавилось много

других пороков западного мира: гримасы «массовой культуры», рост насилия, агрессивности, деструктивности, преступности, экологических и прочих катастроф. Сегодня мы можем прямо говорить о дорогой цене, которую заплатила западная цивилизация за научно-технический прогресс. Может быть, другим цивилизациям, которые встают сегодня на путь ускоренной научно-технической революции, следует учесть негативные уроки Запада и не повторять его ошибки, избежать его подводных камней и ям, а, взяв все ценное и общечеловеческое, не копировать слепо западный образ жизни?

У других народов сегодня есть великолепная возможность учиться на негативных уроках истории, на сделанных ошибках и исторических просчетах, чтобы избежать тех опасностей, которые подстерегают каждого, кто пойдет, слепо следуя по стопам данной цивилизации. У Запада надо взять только то, что носит универсальный, общечеловеческий, инвариантный характер, и решительно отмести все, что вытекает из специфических западных условий и факторов. Только так можно сохранить и преумножить фундаментальные ценности своих народов. Поэтому лозунг «Вперед, в Европу» не только не состоятелен в философском отношении, но и опасен в культурном и политическом отношении. Эта опасность двоякого плана: во-первых, это утрата своей собственной культурной идентичности; своих собственных, исторически выверенных духовных потенций и, как следствие, духовная деградация, во-вторых - это опасность вновь повторить все перипетии эволюции западного мира с его взлетами и падениями, с его трагическими разломами, войнами и кризисами. Между тем, есть другой путь, связанный с преимуществом более позднего вступления в научно-технологическую гонку: ни в чем не отступая от своих собственных традиций и культурных ценностей, идти вперед своей дорогой, учась всему ценному у других цивилизаций, но не повторяя при этом их ошибок. Надо понять одну простую истину: в западном пути развития есть как общечеловеческие элементы, так и специфические для данной цивилизации. Это специфическое не следует выдавать за глобальный образец. (Критический анализ европоцентризма можно встретить как в классических работах «евразийцев» [3], так и в современных философских [4] и политологических [5] публикациях).

ВЫЖИВАНИЕ И МУДРОСТЬ

Среди многих человеческих потребностей одна из самых базовых - выживание. Но с ней связан и некий парадокс: частные, сиюминутные потребности как бы постоянно на виду, в фокусе повседневного мироощущения, ибо они требуют немедленной актуализации. Потребность же в выживании - единственная, которая актуализируется и по-настоящему осознается лишь в особых, экстремальных, пограничных ситуациях. В обычных же условиях она как бы «спит» в людях. (Надо заметить, что это относится как к индивиду («инстинкт самосохранения»), так и к роду, этносу, цивилизации). В итоге и получается, что частная (или даже случайная) потребность (но актуализировавшаяся «здесь» и «теперь») заслоняет собой фундаментальную, порождая сдвиг в системе ценностных предпочтений, вызывая в определенных случаях угрозу самому существованию индивида или рода.

В силу указанного обстоятельства уже в древнейшие времена человеческой истории появляется настоятельная необходимость в той или иной форме осознавать

и посредством этого актуализировать потребность в выживании как коренную задачу жизнедеятельности людей. Решение этой задачи было связано с поиском возможных *стратегий выживания*. Это требовало наработки особого типа мыслительной культуры и особого профессионализма. Формировались группы людей (жрецы, волхвы, брахманы, философы и т.п.), которые, осмысливая ценностные и экзистенциальные скрепы рода, учились в каждом действии той или иной социальной общности людей, в каждом отдельном поступке индивида отслеживать, вычленять сверхзадачу выживания и через призму этой задачи оценивать и истолковывать все остальные проявления коллективного бытия. В результате формировалась *коллективная мудрость*, передававшаяся из поколения в поколение и закреплявшаяся в виде определенных правил и стратегий поведения, запретов, инициаций, мифов, былин, поговорок и т. д. Эта мудрость существовала в двух измерениях - как некое эзотерическое знание и как *коллективное бессознательное*. Последнее не следует понимать как нечто иррациональное и мистическое само по себе. Таковым оно может восприниматься лишь «со стороны», в массовидном, «профанном» сознании отдельных индивидов и групп, напротив, изнутри оно выступает как высшая точка разумности, или коллективный ум.

Этот коллективный ум, недоступный на уровне обыденного сознания и выступающий как ядро ментальности людей той или иной национально-этнической общности, мог быть осознан и воспринят «простым человеком» лишь в особых, вырабатываемых в культуре формах - в виде притчи, сказания, заповеди, через различные ритуалы (свадьба, рождение ребенка, обряд инициации и т.п.). При этом ментальность всегда выражает момент особенного (и даже партикулярного), в то время как мудрость – момент универсального.

В более поздние эпохи, когда развилась индивидуальность и появилась относительная независимость личности от родовой жизни, начинает возникать *индивидуальная мудрость*. Ее реальной почвой по-прежнему остаются коллективное бессознательное, мир традиций, общественное сознание, нравственные и правовые нормы, эстетические каноны. Коллективно-родовая память формирует потребность в индивидуальной мудрости, но последняя может утвердиться лишь благодаря личным духовным и волевым усилиям каждого отдельного человека. Быть мудрым - это вопрос личного выбора и результат интенсивной духовной работы, результат медленного восхождения на вершины духа.

Когда древние мудрецы пытались осмыслить и актуализировать спящую в людях общественную потребность в полноценном выживании народа и поставить ее над всеми остальными потребностями и ценностями, они должны были выстроить иерархию приоритетов и с точки зрения возникшей на этом пути иерархической системы ценностей разработать и сделать достоянием масс людей соответствующие законы, правила, стратегии. Переход от традиционного общества к современному означал разрыв индивида с родовой мудростью, а это повлекло за собой то, что людям все трудней было формировать в себе мудрость индивидуальную. Возникло отчуждение личности от общества, превращающегося в систему социального атомизма, где каждый преследует лишь свои эгоистические цели. Однако, вступая в XXI век, современная цивилизация сталкивается с принципиально новой ситуацией. В предыдущие эпохи человечество развивалось стихийно и никогда в истории не

выступало как единое целое. Но сегодня, когда возникла прямая угроза самой жизни на Земле, когда все человечество оказалось в ситуации «лицом к смерти», - люди Земли, осознав себя как единое целое - на новом витке истории и на качественно новых основаниях, - снова ставят вопрос о *глобальном выживании*. Люди вновь с надеждой обращаются к потенциалу мудрости, вновь пристально всматриваются в лица новых мудрецов, которые, как они полагают, *спасут мир*. Но сегодня требуется мудрость общепланетарного масштаба, основанного не только на вечных ценностях традиционного типа - истине, добре, красоте, справедливости, гармонии и др., но и на таких ценностях, как жизнь, здоровье, этическая ответственность, ненасилие. Эту ноосферную мудрость еще только предстоит развить.

Способно ли современное человечество принять новый вызов истории, способно ли оно найти в себе новые духовные и интеллектуальные ресурсы, выдвинуть новые цели и разработать адекватные стратегии с соответствующими социальными технологиями? Прежние формы общественного сознания, - наука, философия, право, политическая идеология (равно как и интуиция отдельных политических лидеров), - которыми пользовались до сих пор, оказались неспособными эффективно решать масштабные проблемы дня. Не помогают здесь и компьютерные технологии. Обращение в таких условиях к мудрости не следует понимать как затертую журналистскую метафору. На самом деле речь идет о совершенно конкретном, богатом по своему содержанию слое мыслительной культуры, слабо востребованном современной западной цивилизацией. Перед лицом угроз XXI века (таких, как ползучий глобализм, терроризм, экспансионизм, усиливающийся разрыв между богатыми и бедными странами и др.) возникает острая потребность заново осмыслить феномен мудрости, понять его природу, основные свойства и возможности, а также разработать механизмы воспроизводства данного вида интеллектуального продукта, соответствующего требованиям новой эпохи. Другими словами, став объектом философской рефлексии, мудрость не только будет возрождена как духовное богатство общества, но и может приобрести новое качество.

Современные политики, парламентарии, государственные деятели, управленцы высшего слоя крайне нуждаются в таких интеллектуальных технологиях и такой методологии, которая позволила бы им вырабатывать адекватный взгляд на возникающие задачи и находить оптимальные решения. Удивительно, что философия практически самоустранилась от решения исследовательских задач такого рода, передав часть своих методологических функций, например, политологии. Но специалисты-политологи разрабатывают лишь частные модели, политтехнологии и практические рекомендации для нужд заказчика в диапазоне его крайне узких и корыстных целей. Но как только речь заходит о более широких проблемах, мы сталкиваемся здесь с ситуацией релятивизма и плюрализма. Обсуждая подход к той или иной проблеме, политологи, вслед за философами, начинают перечислять список различных *точек зрения*. Гуманитарное знание выступает как совокупность равноправных и одновременно разноречивых оценок, интерпретаций, концепций. Но какова ценность такого знания? Ведь в практике принятия решений часто возникают такие ситуации, когда поистине оптимальным и мудрым может быть только единственный вариант решения.

В последние годы во многих странах создаются институты стратегических исследований. Это - потребность дня. Их роль в осмыслении безопасности и

стабильности общества в дальнейшем будет возрастать. Но в работе названных институтов есть одно уязвимое место: все они, как правило, в своей исследовательской практике опираются на принципы научной рациональности в расхожем (позитивистском) смысле слова, узость и неэффективность которой сегодня очевидна для каждого непредвзятого методолога.

Одна из центральных задач *выживания* человечества сегодня – осознание его исторической ответственности «за жизнь как таковую, за судьбу всего живого, за судьбу биосферы» [6]. Осознанием такого понимания может стать принцип священности Жизни: «для человечества ничего не должно быть более важного, более значительного, более дорогого, более почитаемого, более любовно хранимого, более нерушимого, чем живое, чем Жизнь» [6, с. 51]. Этот принцип «...отражает глубинные, стратегические интересы человека и человеческого общества. Принцип необходим также как некий итог горького опыта, морального разлома, вызванного в целом трагической мировой историей, перенасыщенной бесконечными войнами и кровопролитиями, как формула, результирующая духовные искания совестливых людей в тревожном предчувствии надвигающейся катастрофы» [там же].

В решении острейших политических, экологических и социальных проблем общепланетарного порядка сегодняшним политикам и управленцам, государственным лидерам, в сущности, не на что опереться. Наука, став служанкой частных интересов, давно уже не оправдывает возлагавшихся некогда на нее надежд, не помогает здесь и философия. И та, и другая в лучшем случае есть лишь более или менее удачный инструмент в отдельных ситуациях. Что касается религии, то она, конечно, крайне важна для современного мира, но она имеет, с точки зрения философии истории, и свои ограничения; во-первых, она распадается на множество учений, часто несовместимых между собой, а во-вторых, по большому счету она не распространяется на «мир Кесаря». Современная цивилизация нуждается в некоем универсальном по своей методологической значимости и надежном по своей практической применимости мыслительном инструменте, который мог бы обеспечивать построение общепонятных и убедительных для всех заинтересованных сторон моделей взаимосогласования интересов и целей. В многофакторном, многовариантном и многоинтервальном мире подобный инструмент позволял бы отыскивать такую иерархическую систему ценностей, которая служила бы индикатором высших приоритетов во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Инструментом подобного рода может служить лишь такой феномен мыслительной культуры, как *мудрость*. Сложность, однако, состоит в том, что искусство применения этого инструмента в жизни современной западной цивилизации во многом утеряно.

В течение многих тысячелетий мудрость как сапиентная составляющая человеческой культуры служила *искусством выживания* людей, групп, этносов, государств, цивилизаций. Сапиентное начало позволяло людям вырабатывать различные стратегии, обеспечивающие устойчивое существование в условиях нестабильного мира, шла ли речь о постоянных природных катастрофах или о нестабильности геополитической системы. Искусство выживания в те или иные периоды истории представляло собой определенную совокупность *стратегем*.

Таковыми стратегемами были, например, принцип добрососедских отношений («трубка мира»), принцип компромисса в конфликтной ситуации, принцип «мирного сосуществования», искусство диалога, принцип обратной связи, принцип доверия, верность договорам, осуждение вероломства и т.п. Важную роль в поддержании устойчивого существования играла, например, стратегема *союза* (союза людей, племен, княжеств, государств), обеспечивающая возможность совместной обороны, взаимопомощь в трудные, кризисные ситуации, чувство защищенности, веры в свои силы и т.п. Искусство выживания предполагало и выработку соответствующих этических норм и принципов - преданность своей родине, честность, самопожертвование, героизм, умение пренебречь в минуту опасности личными интересами во имя коллективных. Самосохранению этноса всегда служили культурные традиции и общие мировоззренческие убеждения, например, стратегема уважения к традиции, уважение к памяти предков и уважение к старшему поколению, как носителю исторической памяти рода и мудрости.

Сегодня к традиционным стратегемам должны быть добавлены новые, отражающие качественно новую историческую ситуацию, с которой столкнулось человечество во второй половине XX в. Речь в первую очередь идет о *глобальных проблемах* современной цивилизации. Начиная с 60-х годов учеными активно разрабатываются модели и принципы выживания цивилизации в условиях нарастающей экологической и общепланетарной нестабильности. Очевидно, что сапиентность человека возлагает на него особую ответственность за жизнеспособность социальных форм бытия и за биоразнообразие природы в целом. Прежние стратегемы выживания были нацелены на поддержание жизнеспособности и устойчивого, полноценного существования тех или иных исторических целостностей людей. Новые стратегемы касаются выживания человечества как целого.

Список литературы

1. Каддафи Муаммар. Зеленая книга. - Киев, изд. «Феникс», 2003.
2. Лазарев Ф.В., Тарасов В.И. Разум в новом столетии: глобальная переориентация. - Симферополь: Сонат, 2000.
3. Русский мир. - М., 2003.
4. Лазарев Ф.В., Аль Факи Мохамед Фадель Ахмед. Между Востоком и Западом: куда идет мировая история? // Культура народов Причерноморья. - Симферополь, 2001. № 20. - С. 165-172.
5. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. - М.: Алгоритм, 2000.
6. Долматова Н.В., Джумок Г.А., Захарчук Л.М., Таланов В.М. Принцип священности жизни и экологическое образование // «Творческое наследие Вернадского и современность». («Вернадские чтения»)- Донецк: Дон НТУ, 2003.

Поступило в редакцию 18.01.2004